

Оглавление

Введение	6
Глава I. Немыслимые богатства	26
Глава II. Человек — человеку: долг	78
Глава III. Пускай пузыри	135
Глава IV. Возвращение риска	195
Глава V. Как за каменной стеной	251
Глава VI. От империи к Кимерике	305
Послесловие. Происхождение денег	360
<i>Слова признательности</i>	385
<i>Примечания</i>	390
<i>Перечень иллюстраций</i>	423
<i>Указатель имен</i>	426

Глава I

Немыслимые богатства

Представьте мир без денег. Уже больше ста лет коммунисты и анархисты — здесь с ними солидарны махровые реакционеры, религиозные фундаменталисты и хиппи — спят и видят его в своих снах. По мнению Карла Маркса и Фридриха Энгельса, деньги — это инструмент капиталистической эксплуатации, подменяющий бессердечными “денежными отношениями” все отношения человеческие, в том числе и внутри семьи. Впоследствии на страницах “Капитала” Маркс стремился показать, что деньги есть не что иное, как обезличенный честный труд работников, производших добавленную стоимость, которая затем присваивается капиталистом и “овеществляется” в попытке удовлетворить ненасытную тягу к накоплению. Подобные взгляды на вещи вымирают крайне неохотно. Совсем недавно, в 1970-х, часть европейских коммунистов мечтала о безденежном мире, и их души кричали об этом со страниц *Socialist Standard* — в лучших традициях утопического социализма:

Деньги исчезнут... В соответствии с желанием Ленина, золото будет откладываться лишь для строительства общественных уборных... В коммунистических обществах все товары будут предоставляться в избытке и без взимания платы. Организация общества никоим образом не будет опираться на деньги... Порожденное нервным расстройством неукроти-

мое желание потреблять уйдет в прошлое. Накопление станет бессмысленным, ведь нельзя будет ни наварить на этом денег, ни нанять работников... Новые люди будут похожи на своих далеких предков, охотников и собирателей, — для утоления своих потребностей, зачастую с избытком, те полагались на природу, и она никогда не подводила их...¹

Ни одно коммунистическое государство, включая Северную Корею, так и не решилось избавиться от денег, а чтобы расстаться с иллюзиями насчет жизни без денег, хватит даже беглого взгляда на любое первобытное общество².

Пять лет назад люди племени нукак-маку неожиданно вышли из тропического леса у берегов Амазонки в районе городка Сан-Хосе-дель-Гуавьяре в Колумбии. Время словно забыло о племени нукак, и до своего внезапного появления оно было отрезано от остального человечества. Нукак не знали, что такое деньги, да и не могли знать, ведь в рацион этих охотников-собирателей до нынешнего дня входили лишь добытые ими самими обезьяны и фрукты. Очевидно, у них не было никакого представления и о собственном ближайшем будущем: сегодня они живут на поляне на окраине города — и питаются подачками от государства. В ответ на вопрос, скучают ли они по джунглям, нукак лишь весело смеются. Проведя большую часть своей жизни в утомительных поисках пропитания, сейчас эти люди получают все необходимое от незнакомцев, не требующих ничего взамен, и с трудом верят в свое счастье³.

Жизнь охотника-собирателя и вправду “одинокая, бедная, мерзкая, жестокая и короткая”, как в свое время заметил Томас Гоббс по поводу естественного состояния человека. Конечно, у прогулок по джунглям в поисках нерасторопных обезьян есть свои преимущества по сравнению с изматывающим ритмом натурального сельского хозяйства. С другой стороны, антропологи убедительно продемонстрировали, что лишь немногим дожившим до наших дней племенам охотни-

ков-собирателей свойственно отличающее людей нукак миролюбие. Так, только 40% мужчин обитающего в современном Эквадоре племени хиваро умирают ненасильственной смертью. Показатель бразильских яномамо не намного лучше — 60%. Сдается, что встреча представителей этих племен окончится вовсе не взаимовыгодным обменом, а безжалостной схваткой за редкие ресурсы (еду и способных к деторождению женщин). Охотники и собиратели не нуждаются в торговле — когда надо, они нападают на соседей. Да и что можно сберечь, если ты потребляешь еду по мере — и в случае — ее поступления? В таком мире деньгам нет места.

Горы денег

Что говорить, были в истории человечества и куда более развитые общества, жившие без денег. Пятьсот лет назад без них обходилась империя инков — самое продвинутое общество Южной Америки. При этом инки были вполне способны оценить эстетические свойства редких металлов. Золото они величали “пот солнца”, серебро — “слезы луны”. Как и несколько веков спустя в воображаемом коммунистическом обществе, в империи инков мерилом ценности был труд. И, как и у коммунистов, только принудительный характер этого самого труда вкупе со строжайшим и нередко жестоким контролем из центра не давали экономике распасться на части. Крушение экономики, а с ней и всей империи, случилось в 1532 году. Как и Христофор Колумб, покоритель инков прибыл в Новый Свет с четко определенной целью — найти ценные металлы для перековки в монеты*.

* Конкистадоры охотились как за золотом, так и за серебром. Первое поселение Колумба, Ла-Изабела на Эспаньоле (ныне Доминиканская Республика), было основано как раз для освоения близлежащих золотых рудников. Он был уверен, что нашел и серебро, но впоследствии частицы этого металла были обнаружены только в тех образцах, что Колумб и его люди привезли с собой из Испании.

В 1502 году Франсиско Писарро, незаконнорожденный сын испанского идалго, в поисках счастья и богатства пересек Атлантику⁴. Одним из первых европейцев он вошел в Тихий океан через Панамский перешеек, а в 1524 году возглавил первую из трех экспедиций в Перу. Сильно пересеченная местность, постоянный недостаток еды, враждебное население — все это не сулило светлого будущего. Но уже следующую экспедицию Писарро, в Тумбес, ждал успех: местные жители приняли конкистадоров за “детей солнца”. Удача убедила Писарро и его союзников в необходимости продолжать поиски. Он вернулся в Испанию, заручился королевским благословением своего плана по “расширению Испанской колониальной империи”^{*} в качестве губернатора Перу и сколотил флотилию из трех кораблей, на борту которых находились двадцать семь лошадей и сто восемьдесят человек, вооруженных пистолетами и дальнобойными арбалетами — новейшими изобретениями европейцев⁵.

Третья по счету экспедиция в Перу покинула Панаму 27 декабря 1530 года. Чтобы достигнуть цели, будущим завоевателям понадобилось менее двух лет — уже в 1532-м они вступили в борьбу с Атауальпой, одним из двух сыновей недавно скончавшегося императора инков Уайны Капака, претендовавших на престол. В ответ на предложение монаха Венсана Вальвера перейти в христианство Атауальпа лишь презрительно швырнул Библию на землю, но был вынужден в бессилии наблюдать за уничтожением своей армии испанцами, а точнее — их лошадьми: никогда прежде не видевшие этих животных инки перепугались до смерти. Победа конкистадоров была тем внушительнее, что численно они уступали противнику во много раз⁶. Уже очень скоро Атауальпа разгадал мотивы Писарро и попытался купить свою свободу — он предложил тому полную комнату золота и вдвое больше сере-

* В 1469 г. был заключен брак между Изабеллой, королевой Кастилии с 1474 г., и Фердинандом, королем Арагона с 1479-го, что привело к династической унии Кастилии и Арагона (фактическому объединению Испании).

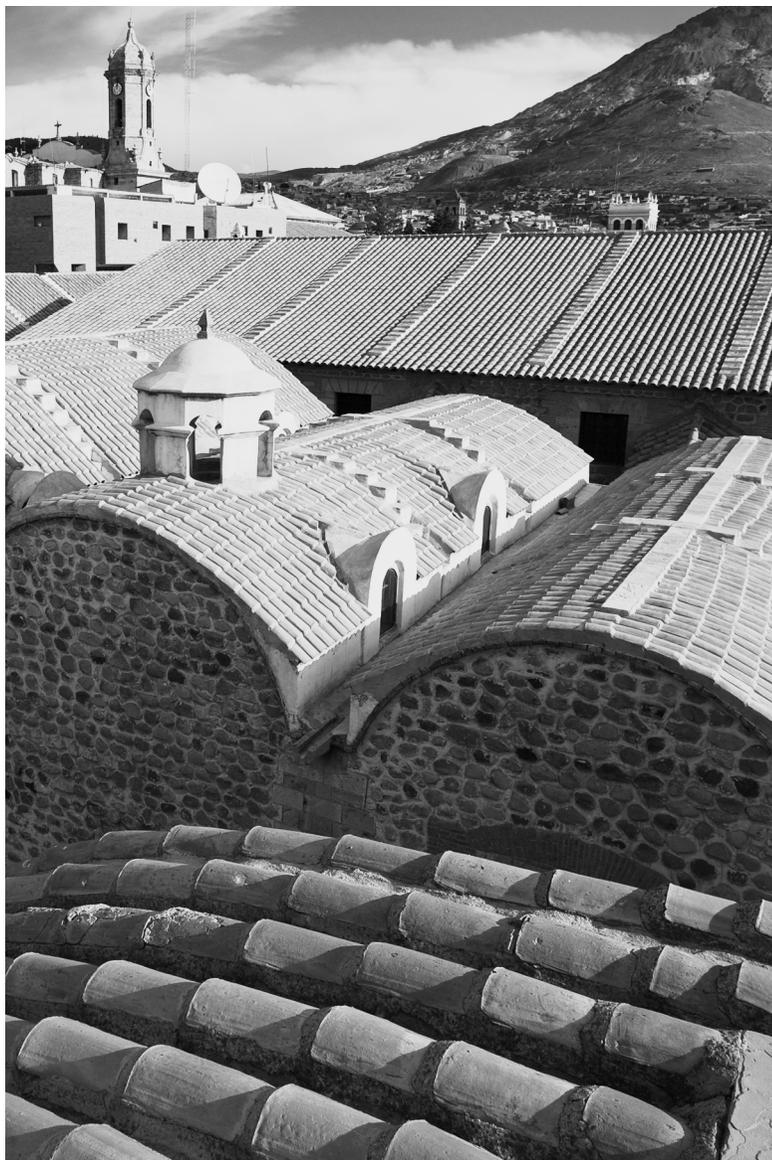
бра. Ради освобождения императора инки собрали около 13 420 фунтов 22-каратного золота и 26 тысяч фунтов чистого серебра⁷. Но у Писарро были иные планы — в августе 1533 года при скоплении народа Атауальпу казнили — удушили гарротой⁸. Когда наконец пал город Куско, империя подверглась полномасштабному разграблению. Земли инков перешли в испанское владение: после основания новой столицы, Лимы, этот процесс не могло остановить даже восстание инков в 1536 году под предводительством Манко Капака (по некоторым сведениям — испанской марионетки). Формальным годом распада империи считается 1572-й.

Писарро был жестоким человеком, собственная жестокость его и погубила — в 1541 году он повздорил с одним из своих людей и в стычке тот несколько раз пырнул его ножом. От полученных ран Писарро скончался в Лиме. Но он оставил испанской короне наследство, размер которого превзошел самые смелые ожидания. С самого начала воображению конкистадоров не давала покоя легенда об индейском короле Эль Дорадо, в праздничные дни покрывавшем свое тело сплошным слоем золотой пыли. Но в Верхнем Перу — так соратники Писарро нарекли пустынную землю, где не было почти ничего, кроме горных цепей и туманов, и где не приученные к высоте люди каждый глоток воздуха почитали за счастье, — их ждала находка, от которой не отказался бы и сам сказочный король. Вершина пугающе симметричной Серро-Рико — “богатой горы” по-испански — находится на высоте 4824 метров над уровнем моря и венчает памятник людской алчности — гору, сплошь состоящую из серебряной руды. В 1545 году индеец Диего Гуальпа открыл ее, и экономическая история мира заложила очередной крутой вираж⁹.

Инков изумляла обуревавшая европейцев ненасытная страсть к золоту и серебру. Манко Капак жаловался: “Пусть весь снег в Андах обратится в золото — им все равно будет мало”¹⁰. Инки не могли взять в толк, что Писарро и его спутники нашли в серебре, привычном материале для броских укра-

шений. Те же знали, что из серебра можно чеканить деньги, одновременно выполняющие функции единицы счета и запаса ценности и при этом легко помещающиеся в карман. Чеканить власть, которая всегда с тобой.

Впервые столкнувшись с необходимостью разработки рудников, испанцы решили нанять жителей окрестных поселений. Но мало кто соглашался на жесточайшие условия работы по своей воле, и в конце XVI века завоеватели внедрили систему принудительного труда: все мужчины шестнадцати высокогорных провинций в возрасте от восемнадцати до пятидесяти лет обязывались отработать по семнадцать недель в год¹¹. Надо ли говорить, что смертность среди шахтеров была поистине ужасающей? Во многом это объяснялось технологией добычи: извлекаемая из недр серебряная руда тут же смешивалась с ртутью, полученную смесь промывали, а затем нагревали, чтобы избавиться от ртути. Работники почти все время вдыхали испарения ртути — с предсказуемыми последствиями для здоровья¹². И сегодня воздух в этих шахтах небезопасен для жизни. Но проблемы на этом не кончались: для спуска в шахты глубиной до 230 метров горе-шахтеры пользовались лишь едва обозначенными ступеньками, а по окончании смены изнуренные люди карабкались вверх по тем же ступенькам, при этом их тянули вниз заплечные мешки с добытой за день рудой. Частые камнепады убивали и калечили людей сотнями. Рожденный серебряной лихорадкой город Потоси был словно «врата ада, ежегодно принимающие огромные массы людей в качестве жертвоприношения алчных испанцев своему каменному «богу». По крайней мере так считал Доминго де Санта-Томас. Ему вторил Родриго де Лоайса; шахты он величал не иначе как «дьявольские ямы» и утверждал, что «когда два десятка здоровых индейцев спустятся под землю в понедельник, хорошо, если половина вернется в субботу хотя бы и калеками»¹³. Монах-августинец Антонио де ла Каланча писал в 1638 году: «Каждый отчеканенный в Потоси песо стоил жизни десяти индейцам, сгинувшим в глуби-

Серро-Рико близ Потоси: гора денег для испанской монархии.

нах шахт”. В какой-то момент местное трудоспособное население истощилось настолько, что из Африки завезли тысячи рабов — новое поколение “мулов в человечесем обличье”. Что-то дьявольское незримо окружает Серро-Рико и поныне, а в ее шахтах и тоннелях все так же трудно дышать.

Как это часто бывает, место погибели одних стало и местом чудесного обогащения других — испанцев. За период с 1556 по 1783 год “богатая гора” дала 45 тысяч тонн чистого серебра, которое прямо на месте отливало в слитки и чеканилось в монеты — и в таком виде отправлялось в Севилью. Несмотря на проблемы с воздухом и климатом, Потоси очень скоро вошел в число важнейших городов испанской империи. В лучшие годы в нем проживало от 160 до 200 тысяч человек — таким населением мог похвастаться редкий европейский город. Выражение *valer un Potosí* — буквально “стоить Потоси” — до сих пор используется испанцами для описания несметных богатств. Никто не сомневался: завоевания Писарро сделали алчную испанскую монархию богатой сверх самых смелых ожиданий.

Обычно деньгам приписывают сразу несколько ролей. В первых, они выступают средством обмена, таким образом устраняя недостатки, связанные с бартером. В качестве единицы счета они упрощают оценку и следующие за ней вычисления. Наконец, деньги позволяют запастись ценностью, а значит, и открывают путь для сделок, растянутых во времени и пространстве. Чтобы успешно справляться со своими задачами, деньги должны быть одновременно широко доступными, недорогими в использовании, долговечными, легко делимыми, удобными для переноски и надежными. Золото, серебро и бронза удовлетворяют почти всем требованиям, и именно поэтому на протяжении тысячелетий эти металлы считались идеальным материалом для изготовления денег. Самые древние из известных нам монет датируются рубежом VII–VI веков

до нашей эры. Их обнаружили при раскопках в храме Артемиды в Эфесе (неподалеку от города Измир на территории современной Турции). Бывшие в ходу у лидийцев овалы с изображением львиной головы делались из так называемого “электрума” — сплава золота с серебром. Уже потом в Афинах стали чеканить тетрадрахму, знаменитую монету с установленным содержанием серебра; на лицевой стороне она носила портрет Афины, с обратной, как дань мудрости этой богини, на нас смотрела сова. Римляне пускали в ход разные металлы: аурей производился из золота, для динария брали серебро, а для сестерция — бронзу. Чем меньше были запасы металла, тем выше номинал монеты, поэтому достоинство снижалось от первого к последнему. На аверсе каждой помещалась голова императора, а на реверсе — фигуры легендарных основателей Рима Ромула и Рема. Чеканка монет ни в коем случае не уникальный для древнего Средиземноморья феномен, но именно там и тогда началось их массовое хождение. Прошли столетия, прежде чем “первый император” Китая Цинь Шихуанди ввел в оборот стандартизованную бронзовую монету. Это случилось в 221 году уже нашей эры. В каждом конкретном случае монеты из драгоценных металлов отождествлялись с фигурой могущественного властелина, монополизировавшего чеканку не в последнюю очередь в качестве еще одного источника доходов для своей казны.

Римская система чеканки пережила Римскую империю. Во времена Карла Великого, правителя франков с 768 по 814 год, цена многих товаров все еще указывалась в серебряных динариях. Вот только к моменту восшествия Карла на императорский престол в 800 году Западной Европе хронически не хватало серебра. Спрос на деньги в куда более развитых центрах коммерции в Исламской империи, контролировавшей юг Средиземноморья и Ближний Восток, был настолько велик, что драгоценные металлы просто-напросто утекали из отсталой Европы. При Карле Великом редкость динария приводила к тому, что за 24 монеты давали целую корову. Это еще что:

кое-где в Европе роль денег прекрасно выполняли беличьи шкурки и перец, а в иных областях богатым считался обладатель куска земли, а вовсе не монет — этот факт нашел отражение в местных наречиях. Европейцы старались решить проблему одним из двух способов. Теоретически они могли экспортировать рабочую силу и готовые товары, обменивая рабов и древесину на серебро в Багдаде или африканское золото в Каире и Кордове. Но был и другой вариант: пойти войной на исламский мир и вывезти горы драгоценных металлов в качестве трофея. Обратить язычников в христианскую веру — объявленная цель Крестовых походов и последовавших за ними завоеваний — едва ли было важнее, чем заткнуть дыру в доходах европейских королей¹⁴.

Но Крестовые походы были удовольствием недешевым, а приносимая ими чистая прибыль — в лучшем случае небольшой. Трудности правителей эпохи Средневековья и начала Нового времени усугублялись их неспособностью найти решение головоломки, прозванной экономистами “большой проблемой мелкого размена”: как установить прочное соотношение между номиналами монет из разных металлов, избежав при этом дефицита разменной монеты, равно как и ее удешевления и элементарного падения доли ценного металла ниже установленной:¹⁵ На первый взгляд казалось, что нападшим на залежи серебра в Потоси и других уголках Нового Света (вроде Закатекаса на территории современной Мексики) испанским конкистадорам удалось решить столетиями докучавшую Свету Старому проблему. Поначалу, разумеется, вся выгода доставалась профинансировавшей их походы кастильской монархии. Вереницы кораблей неустанно курсировали между источником драгоценного металла и Севильей, перевоза в Европу около 170 тонн в год. Пятая часть всей добычи отходила короне — в конце XVI века перуанское серебро покрывало рекордные 44% ее расходов¹⁶. Свое новообретенное богатство Испания тратила так, что отчаянно необходимый толчок полу-чила экономика всего континента.